

В.А. ЖУКОВСКИЙ И ЗАПАДНАЯ ДУХОВНО-НАЗИДАТЕЛЬНАЯ ЛИТЕРАТУРА: К ПОСТАНОВКЕ ВОПРОСА

Дубовенко К.И.

аспирант кафедры романо-германской филологии Национального исследовательского Томского государственного университета, Россия, г. Томск

Настоящая статья посвящена постановке проблемы поиска истоков религиозности первого русского романтика в период 1840-1850-х гг. Ключевой интерес работы лежит в области изучения культурно-исторического контекста на разных этапах житнетворчества В.А. Жуковского, который предопределил поворот поэта к западной духовно-назидательной литературе в финальный период.

Ключевые слова: В.А. Жуковский, западная духовно-назидательная литература, религия.

Исследователи житнетворчества В.А. Жуковского давно единодушны в том, что «1840-е годы стали особым периодом религиозно-нравственных <...> исканий» [1, 10] поэта, однако на вопрос, каковы истоки этой религиозности, жуковсковедение до сих пор не может дать однозначного ответа.

Глубочайшему религиозному чувству, контуры которого уже так ясно прочитываются в поздних программных статьях, оригинальной философии, переводах и проектах Жуковского, на наш взгляд, предшествовала целая цепь событий, которые в совокупности образуют ряд предпосылок, определивших связь поэта с западными духовно-назидательными традициями еще до переезда в Германию. Было бы ошибочным утверждать, что знакомство с идеями западного богословия произошло исключительно на позднем этапе. Суть их, несомненно, была впитана Жуковским еще в юности, в период обучения в Московском университетском Благородном пансионе (1797-1800) во многом благодаря просветительской и филантропической деятельности московских масонов. Важнейшую роль в этом наставничестве играл отец братьев Тургеневых, деятель русской культуры и литературы конца 18 – начала 19 вв., Иван Петрович Тургенев (1752-1807). Будучи членом масонской ложи «Гармония» и переводческой семинарии, он издал на русском языке целый ряд сочинений западных авторов религиозно-философского направления, среди которых «Познание самого себя» И. Масона, «Об истинном христианстве» И. Арндта и мистический трактат «Немецкая теология». Эти назидательные книги входили в круг чтения юных воспитанников, начиная с 1797 года, когда Университетский пансион возглавил И.П. Тургенев. К книге И. Арндта Жуковский вновь обратился уже в поздний период житнетворчества – оригинал на немецком языке, обнаруженный в личной библиотеке поэта, хранит многочисленные пометы владельца, а перевод сочинения Масона был завещан Тургеневым своим сыновьям, Александру и Николаю, а также и самому Жуковскому, который был без преувеличения членом семьи Тургеневых. В архиве русского классика также хранится рабочая тетрадь по чисто-

писанию А. Тургенева, в которой раскрывается суть духовно-воспитательных идей Тургенева-старшего.

Поиск истоков религиозности первого русского романтика невозможен без осмысления, так называемого, дерптского периода. Здесь, с точки зрения заявленной проблематики, наиболее интересным представляется диалог Жуковского с профессором богословия Дерптского университета Лоренцом Эверсом (1742-1830) и его потомками. Например, работы его сына, Густава Эверса (1781-1830), сыграли значительную роль в формировании историософии Жуковского. Известно, что «в библиотеке поэта сохранились пять изданий немецкого ученого <...>. Первый по хронологии сборник трудов, выпущенный Эверсом в двух томах совместно с М. Энгельгардтом под заглавием «Статьи о понимании России и ее истории» (Дерпт, 1816-1818), хотя и не содержит следов чтения Жуковского, как две последующие книги («Предварительные критические работы по русской истории» и «История руссов»), но дополняет картину изучения русской истории, так живо интересовавшей поэта в период созревания его романтического метода» [6, 45].

Интерес к западным богословским учениям пробудился в поэте не без участия его соратника по службе при дворе, духовного наставника цесаревича, протоиерея Г. П. Павского. Схожесть взглядов Жуковского и Павского в отношении религии и веры давно отмечена исследователями. Так, свящ. Д. Долгушин говорит о созвучии религиозности Павского внутреннему устроению Жуковского 1820-х гг. [4]. Интересен также тот факт, что в качестве учебного пособия для постижения истинного религиозного чувства Павский рекомендовал своим студентам книгу немецкого проповедника И.Г.Б. Дрезеке «Вера, любовь, надежда». Известно, что эта же книга имела для В.А. Жуковского «почти сакральное значение, сопровождала на протяжении всего жизненного пути и упоминалась им в завещании» [6, 30]. Таковы, на наш взгляд, ранние предпосылки, приведшие первого русского романтика к наиболее масштабному из поздних его увлечений, освоению западной духовной литературы.

В период заграничных путешествий 30-х гг. В.А. Жуковский сблизился с европейскими учеными-теологами, среди которых особое место занимают Й. фон Радовиц (1793–1853) и Х.К.Й. фон Бунзен (1791-1860). Личность Иосифа фон Радовица рассматривается исследователями как особый «этап в истории взаимоотношений Жуковского с немецким миром», играющий ключевую роль «для уточнения его религиозной позиции круга чтения 1840-х гг., для рассмотрения особенностей его поздней публицистики» [6, 252]. Отношения с Бунзеном также дополняют картину того, как Жуковский пришел к увлечению западным богословием. Бунзен активно занимался практическим изучением богослужений, и это увлечение стало делом его жизни, вылившись в 1833 г. в издании «Опыта книги общих евангелических песнопений и молитв для церкви и дома», экземпляр которого был преподнесен автором Жуковскому. О том, что тема религии и церкви не осталась в стороне в общении ученого с русским поэтом, свидетельствует их переписка. Сохранилась немецкая заметка Бунзена под заглавием «Desiderata» («Пожелание»), в

которой автор записки высказывает желание, получить «что-нибудь о русской церкви из доступного не владеющему церковнославянским» [7, 33].

Интересной находкой также оказались неопубликованные записные книжки поэта 1848-1850-х гг., в которых содержатся немецкоязычные заметки и выписки из духовно-назидательной литературы. Эти выписки свидетельствуют о преодолении Жуковским нового рубежа в эстетическом и творческом плане: переход от поэтического сознания к религиозному.

Наглядным практическим доказательством неугасающего интереса В.А. Жуковского к западной духовно-назидательной словесности служит личное книжное собрание поэта. Особое место, без сомнения, занимают немецкие авторы эпохи Благодетельства и пиетизма, среди которых Г. Мюллер, Т.Ф.Д. Клифот, И.Э. Фейт [5]. Несмотря на то, что несомненными фаворитами при изучении поэтом западных богословских учений являются немецкоязычные духовно-назидательные тексты 1840 – 1850-х гг., нельзя не отметить интереса Жуковского к синхронным религиозно-философским течениям во Франции и Англии. Так, первый русский романтик переводил некоторые из сочинений Фенелона, о чем свидетельствует и личная библиотека поэта: в ней находятся басни известного представителя квиетизма и его сочинения в 22-х томах. Последняя книга содержит многочисленные маргиналии владельца. То, что Жуковский был знаком и с английским методизмом, подтверждает наличие двух немецкоязычных изданий, одно из которых посвящено жизнеописанию евангелического священника Джона Ньютона, и второе, принадлежащее перу самого Дж. Ньютона.

С точки зрения генезиса поставленной проблемы немаловажным представляется понять и проследить, как отразились западные духовно-назидательные концепции в наследии В.А. Жуковского. Постановка проблемы в нашей работе не означает, что взаимодействие с западной культурой было для Жуковского самоцелью. Несмотря на то что особый статус немецкого мира на духовном горизонте поэта представляется доказанным [6], на первом плане для поэта всегда стояло служение, прежде всего, русской литературе, русской культуре и русской православной традиции. К примеру вопрос о том, «как преломилась меланхолическая традиция в творчестве В.А. Жуковского – поэта, создавшего оригинальную и уникальную для русской литературы «философию грусти», рассматривал в своей кандидатской диссертации И.Ю. Виницкий [2]. Концепция поэта, и на наш взгляд, исходит, безусловно, из европейского понимания меланхолии, но он видит ее несколько в ином свете. В 1840-е гг. Жуковский подходит к понятию меланхолии с несколько иных позиций, чем в юности, в поздний период преобладают идеи христианской теории страдания человека в этом мире, учение Христа органично вливается в эту концепцию, в ней также находят свое место религиозное раскаяние, покаяние, перерождение, центральное значение отводится богобоязненности и греху. Таким образом, происходит не просто возврат к концепции раннего периода жизни творчества, но продуктивное ее осмысление.

Особый научный интерес с точки зрения поставленной проблемы представляют педагогические труды немецких пиетистов 1840-1850-х гг., сохра-

нившиеся в библиотеке В.А. Жуковского. Характер чтения этих педагогических трудов обнаруживает высокую заинтересованность Жуковского в материале, собственную стратегию осмысления и системность взглядов опытного наставника, наличие четких приоритетов. Изучая лучшие издания, посвященные христианскому воспитанию, первый русский романтик, в первую очередь, обратился к трудам Августа Германа Нимейера, Кристиана Генриха Целлера, Г.В. Гробе, Ф.Ф. Вильмсена, В. Куртмана. Очевидно, что изучение немецких изданий по воспитанию представляет собой самостоятельный и важнейший для Жуковского-наставника проект, имевший масштабные цели по развитию отечественной педагогики.

Еще один аспект, которому нельзя не уделить внимания в рамках нашего исследования – это историко-политические взгляды Жуковского. Любопытным представляется, так называемый, Иерусалимский проект, задуманный поэтом за два года до кончины и изложенный Жуковским в письмах к великим князьям Александру и Константину Николаевичам. Т. Гузаиров, рассматривающий в своей работе генезис Иерусалимского проекта, пишет: «Предложение поэта, заключавшееся в освобождении храма Гроба Господня и Иерусалима из-под власти турецкого султана, не было новым, если мы вспомним историю крестовых походов или ознакомимся с описаниями путешествий по Святым местам первой половины XIX в. Жуковский, однако, был убежден: Иерусалим должен перейти под контроль христианской европейской армии исключительно мирным, бескровным путем» [3, 107].

Изучение взаимных контактов Жуковского с западными традициями духовно-назидательной словесности обладает бесспорной научной новизной и актуальностью, а также позволяет по-новому открыть значение личности и деятельности первого русского романтика и наставника Александра II в истории русской литературы и русской мысли.

Список литературы

1. Айзикова, И.А. Проблемы философии, искусства и веры в поздней прозе В.А. Жуковского [Текст] /И.А. Айзикова// Духовно-нравственные основы российской культуры и образования. Материалы Новосибирских Кирилло-Мефодиевских Чтений. – Новосибирск, 2006. – С. 10-16.
2. Веницкий, И.Ю. русская "меланхолическая школа" конца XVIII-начала XIX веков и В. А. Жуковский [Текст] : автореферат дис. ... канд. фил. наук / И.Ю. Веницкий. – Москва, 1995. – 20 с.
3. Гузаиров, Т. Т. Жуковский – историк и идеолог николаевского царствования [Текст] : дис. ... доктор фил. наук /Т.Т. Гузаиров. – Тарту, 2007 – 163 с.
4. Долгушин, Д. В. В. А. Жуковский и И. В. Киреевский: к проблеме религиозных исканий русского романтизма [Электронный ресурс] / Д.В. Долгушин. – Режим доступа: <http://iknigi.net>.
5. Дубовенко, К.И. «Повести и юморески» (1842) И.Э. Фейта в восприятии В.А. Жуковского [Текст] /К.И. Дубовенко// материалы XIV Всероссийской конференции молодых ученых «Актуальные проблемы лингвистики и литературоведения». – Вып. 14, ч.2. – Томск, 2013. – С 80 – 83.
6. Никонова, Н.Е. В.А Жуковский и немецкий мир [Текст] : дис. ... доктор фил. наук / Н. Е. Никонова – Томск, 2013. – 336 с.

7. Никонова Н. Е. В. А. Жуковский и немецкие художники: от К. Д. Фридриха к назарейцам. Статья вторая [Текст] / Н. Е. Никонова // Вестник Томского государственного университета. – 2013. – № 372. – С. 33-39.

«О, МУДРЫЙ МИР!» – НОВОЕ ПРОИЗВЕДЕНИЕ

Камарова Н.С.

профессор кафедры казахского языка и литературы Каспийского государственного университета технологий и инжиниринга имени Ш. Есенова, кандидат филологических наук, доцент,
Казахстан, г. Актау

Жеткызгенова А.Т.

доцент кафедры казахского языка и литературы Каспийского государственного университета технологий и инжиниринга имени Ш. Есенова, кандидат филологических наук, доцент,
Казахстан, г. Актау

В статье рассматривается психологизм романа известного казахского писателя Мира Шайыра «О, Мудрый мир!» («О, Данышпан дүние!»). Глубокие тайны души писателя становятся понятными читателю благодаря описанию образа лирического героя. Центральное место в его романе занимают психологизм, внутренний мир человека, его переживания, чувства. Через внутренний монолог целиком раскрываются художественные особенности романа Мира Шайыра.

Ключевые слова: литература, жанр романа, образ современника, внутренний мир человека.

Казахский писатель Мир Шайыр в своем романе «О, Мудрый мир!» («О, Данышпан дүние!»), построив целую галерею новых образцов героев-граждан с высоким интеллектом, создал особенный образ. Академик З.Кабдолов не зря сказал: «Образ современника!.. Это – самое ценное, самое благородное наследие, которое может оставить писатель о своей эпохе», [3, с. 7]. Разумеется, человечество постоянно стремится к идеалам нравственности и гуманности. Главная цель литературы – описывая свою эпоху и общество в ней, создавать соответствующий образ современников, их духовную сущность.

Во все времена основной объект художественной литературы – это человек, его внутренний мир. «В настоящей литературе как мире познания человеческой души должен присутствовать поиск человечности» [2, с. 319], – говорит русский исследователь Ф.Ф.Кузнецов. Бесспорно, что основная идея любого художественного произведения – это вопросы нравственности и гуманизма. В течении всей истории человечества идет борьба между справедливостью и несправедливостью, хорошим и плохим, добром и злом, любовью и ненавистью – так было всегда и будет впредь.